

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI10.25991/VRHGA.2019.20.3.024

УДК 94 (47+57)

*В. А. Щученко**

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПСЕВДОМОРФОЗЫ: ОТ РОМАНТИЗИРОВАННЫХ ИДЕОЛОГЕМ К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ

В статье анализируются подходы О. Шпенглера, а также современных российских авторов к определению понятия псевдоморфозы. Отмечаются такие недостатки позиции О. Шпенглера, как уподобление исторических процессов естественным, социальный романтизм, схематизм и др. Обосновывается положение о псевдоморфозе как существенно важной стороне формообразования. Подчеркивается социально-практическая актуальность исследования псевдоморфных тенденций в постсоветскую эпоху. Выделяются следующие перспективные направления исследования псевдоморфных феноменов: во-первых, изучение псевдоморфных образований на основе неповторимости, специфичности генезиса форм, а также многофакторного подхода к их изучению; во-вторых, анализ особенностей переходного периода, когда псевдоморфное влияние усиливается; в-третьих, рассмотрение аналитических и синтетических тенденций в переходную эпоху в их взаимосвязях с псевдоморфной динамикой; в-четвертых, осмысление процессов «национализации» псевдоморфоз под влиянием конкретно-исторической специфики, генезиса, формообразования.

Ключевые слова: псевдоморфоза, формообразование, социокультурное взаимодействие, переходная эпоха, анализ, синтез.

V. A. Schuchenko

HISTORICAL PSEUDOMORPHOSES: FROM ROMANTICIZED IDEOLOGY TO A THEORETICAL MEANING

The article analyzes the approaches of O. Spengler, as well as modern Russian authors to the definition of the concept of pseudomorph. Such disadvantages of the position of O. Spengler as the comparison of historical processes with the natural, social romanticism, schematism, etc. are noted. The position on pseudomorph as an essential aspect of shaping

* Щученко Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, Русская христианская гуманитарная академия; vladalex40@mail.ru

is substantiated. The socio-practical relevance of the study of pseudomorphic tendencies in the post-Soviet era is emphasized. The following promising directions for the study of pseudomorphic phenomena are distinguished: first, the study of pseudomorphic formations on the basis of originality, specificity of the genesis of forms, as well as a multifactorial approach to their study; secondly, the analysis of the features of the transition period, when the pseudomorphic influence is enhanced; thirdly, consideration of analytical and synthetic tendencies in a transitional era in their interrelations with pseudomorphic dynamics; fourth, understanding of the processes of “nationalization” of pseudomorphs under the influence of concrete historical specificity, genesis, and shaping.

Keywords: pseudomorph, morphogenesis, sociocultural interaction, transitional era, synthesis, analysis.

Почти сто лет назад — с легкой руки О. Шпенглера [19] — понятие «псевдоморфоза» стало использоваться как важнейшая объяснительная модель при анализе исторических процессов. Интерес к этому понятию не только не угасает, но даже усиливается. Понятие псевдоморфозы остается все более востребованным. Философы [3; 6; 7; 10; 14], историки культуры [2; 5; 7; 11; 12; 15], богословы [1; 8; 9; 16; 17; 18] и даже этнографы [4; 13] часто цитируют О. Шпенглера и стремятся в свою очередь обосновать теоретический статус названного понятия. Но является ли понятие «псевдоморфоза» элементом некоей теоретической системы?

В этой связи встают вопросы далеко не очевидные и требующие развернутого анализа. Во-первых, является ли понятие «псевдоморфоза» элементом теории межкультурных коммуникаций или не более чем ценностно окрашенным концептом, точнее идеологемой, зачастую далекой от объективного и доказательного аналитического анализа? Во-вторых, взаимодействуют ли инородные по своему генезису псевдоморфозы со своими, выросшими на собственной культурной почве формами и тем самыми участвуют ли псевдоморфозы в процессе образования новых форм, в процессе формообразования? В-третьих, выводит ли анализ эвристического смысла понятия «псевдоморфоза» на целый ряд недостаточно изученных, а потому актуальных аспектов формообразования и в т. ч. на проблему динамики аналитических и синтетических процессов в истории культуры? Рассмотрение вопросов исторического формообразования с точки зрения аналитического разложения, распада социокультурных образований и их синтетического воссоединения является остро злободневным и в сегодняшней России. Потому, прежде всего, что здесь идет сложный, а в отдельных сферах болезненный процесс реформатирования в социальной и культурной действительности. Именно этим и объясняются оживленные дискуссии вокруг концепта «псевдоморфозы», в частности вокруг т. н. псевдоморфных образований в истории России.

К тому же О. Шпенглер вводит понятие «псевдоморфоза», в т. ч. и в ходе анализа отношений России и Запада, притом в идеологически злободневном аспекте, а именно подчеркивая якобы псевдоморфный, искаженный, подражательный (а потому исторически неудачный) характер культурных процессов в России, в особенности в послереволюционный период. Взятое из геологии понятие О. Шпенглера безо всяких уточняющих оговорок экстраполирует на историческую действительность. В минералогии, пишет он в самом начале

третьей главы второго тома «Заката Европы», а именно в параграфе, озаглавленном «Исторические псевдоморфозы», под псевдоморфозом (в сегодняшнем словоупотреблении — псевдоморфозой. — В. Щ.) понимают некую «поддельную форму», которая образуется в результате замещения одного минерала другим с сохранением внешних форм исходного материала, т. е. при заполнении более поздними минералами пустот, в результате чего и появляется «чужая», «поддельная» форма, псевдоморфоза [19, с. 192]. И далее Шпенглер в характерной для него художественно-образной стилистике уточняет:

Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот ее родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания. Все что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустотную форму чуждой жизни, отдавшись старческим трудам, молодые чувства костенеют, так что где им распрямиться во весь рост собственной созидательной мощи? Колоссальных размеров достигает лишь ненависть к явившейся издали силе [19, с. 192].

Становление понятия «псевдоморфоза» началось с процитированного отрывка. Причем вплоть до настоящего времени это определение О. Шпенглера продолжают снова и снова цитировать, зачастую как истину в последней инстанции. Однако если внимательно присмотреться, то дефиниции О. Шпенглера окажутся далеко не безупречными и по сути своей идеологизированными концептами.

Во-первых, философ напрямую переносит процесс образования псевдоформ в геологии на формообразования в истории, а в особенности в культуре. Хорошо известно, что экстраполяция из области естественнонаучного знания на гуманитарные науки если бывает полезной, то после дополнительных уточнений и ограничений. В истории и ее важнейшем проявлении — культуре, властвуют ценности и оценки. Возможно поэтому — и художественно-образное отношение к историческому материалу. Но история — это не только ценностно окрашенный процесс, но и научное осмысление этого процесса и в этом втором аспекте нуждается все-таки в теоретическом анализе, т. е. в объективности, доказательности и тщательной проверяемости. Здесь уже не «работает» выраженный в образной форме аксиологический субъективизм, типа следующих процитированных высказываний: «юная культура», которая «не в состоянии задышать полной грудью», «молодые чувства», которые «костенеют» и т. д. и т. п. Ибо «юная культура», заметим уже здесь, может «задышать полной грудью» и под влиянием других культур, а «молодые чувства» совсем не обязательно «костенеют», но могут в результате этого влияния развиваться, становиться более жизнеспособными и устойчивыми. К тому же какой бы «юной» не была культура, она никогда не бывает «пустотным» вместилищем «чуждого» содержания. «Юная» культура всегда взаимодействует с инородной и даже более продвинутой культурой, в т. ч. и сопротивляется ей, но также и впитывает те или иные элементы «чуждого» содержания под влиянием тех или иных потребностей, тех или иных социальных кругов этой «юной» культуры.

Во-вторых, О. Шпенглер старается не замечать, как было уже сказано, специфику процессов в природе и истории. К тому же он постоянно оперирует только ставшими, снова и снова повторяющимися состояниями и явно не видит того, что в культурно-историческом мире наблюдаются не только повторяемости (общие законы, традиции, наследие, язык и др.), но и неповторимые, небывшие состояния, новые формообразования, синтезы, постижение которых должно учитывать не только повторяемости, но требует нового методологического инструментария, нацеленного на постижение качественно неповторимых небывших ранее форм. Ему кажется, что культурный процесс можно уподобить изменениям в мире минералогии с ее «камнеподобными» образованиями. Процесс образования новых социокультурных форм ему мало интересен. Реальных, конкретно-исторических, генетических механизмов образования новых форм он не замечает. Он знает только статику форм, а не их динамику — всегда конкретную, исторически индивидуальную, включающую и моменты переходности, которые, заметим, понять намного труднее, чем форму ставшую, сложившуюся, устойчивую. О. Шпенглер увлечен поиском повторяющихся форм, аналогий, сопоставлений, сравнений, т. е. поиском форм в их ставшем как бы навечно «закостеневшем» состоянии. Тем самым он остается в пределах историософии XIX в. с ее номотетикой, раз и навсегда заданными методологическими формами анализа, что примитивизирует, спрямляет исторический процесс, сужает поле конкретно-исторических форм, в особенности, появление небывших синтетических состояний в социокультурных процессах.

В-третьих, «своим», неразвитым формам противостоят, согласно О. Шпенглеру, угнетающие эти формы псевдоморфозы вредоносные для «своей» культуры экономические, политические и социальные нововведения. И это противостояние, напоминающее романтизированные идеологемы и образы, неизбежно, непреодолимо, судьбоносно; оно не разрешается конкретизирующим синтезом, который обогащает, вне всякого сомнения, культуру народа или региона. «Свое» и «иное» выступают в качестве антиномий, они стоят рядом, снова и снова воспроизводятся, внешне несколько видоизмененные, но по сути неизменные.

Обращаясь к русской исторической жизни — рисуя ее упрощенно, широкими мазками, не утруждая себя системным многофакторным анализом функционирования социокультурных организмов, — О. Шпенглер проводит мысль о псевдоморфном характере общественных процессов в России. В этом, доказывает он, — причина исторической неудачи этой страны, в этом ее неизбывная «судьба». Проникшие в Россию с Запада в эпоху Петра I культурные веяния глушили «свое», «юное» и недоразвитое. В дальнейшем псевдоморфозы как чуждые российской органике жизни только воспроизводятся, именно в качестве псевдоморфоз: Петру I «отвечает» Л. Н. Толстой, а последнему — большевики. Россия, подчеркивает О. Шпенглер, всегда проявляла неспособность к социокультурному синтезированию «своего» и «иного». Вся история России и видится ему как появление все новых и новых псевдоморфоз, т. е. «чуждых» форм, занесенных с Запада. К примеру, он пишет:

Народу, предназначением которого было еще на продолжение поколений жить вне истории была навязана искусственная и неподлинная история, постижение духа которой прарускостью — вещь абсолютно невозможная. Были заведены поздние науки и искусства, просвещение, социальная этика, материализм мировой столицы, хотя в это предвремя религия — единственный язык, на котором человек способен был понять себя и мир, и в лишенном городов крае, с его изначальным крестьянством, как нарывы, угнездились отстроенные в чуждом стиле города [19, с. 197].

Прочитируем еще один небольшой отрывок — как потому, что он подтверждает сказанное выше, так и потому, что он пронизан романтизированными интонациями, не исчезнувшими (о чем ниже) и в современных рассуждениях о российских псевдоморфозах.

Достоевский — это святой, а Толстой всего лишь революционер. Из него одного, подлинного наследника, и происходит большевизм, это не противоположность, но последнее следствие петровского духа, крайнее принижение метафизического социальным и именно потому всего лишь новая форма псевдоморфозы. Если основание Петербурга было первым деянием Антихриста, то уничтожение самим же собой было вторым: так должно было оно внутренне восприниматься крестьянством. Ибо большевики не есть народ, ни даже его часть. Они низшие слои «общества», чуждый, западный, как и оно, однако им не признанный и потому полный низменной ненависти. Все это от крупных городов, от цивилизации — социально-политический момент, прогресс, интеллигенция, вся русская литература, в начале грезившая о свободах и улучшениях в духе романтическом, а затем — политико-экономическом <...>. То, что придало этой революции ее размах, была не ненависть интеллигенции, то был народ, который без ненависти, лишь из стремления исцелиться от болезни, уничтожил западный мир руками его же подонков, а затем отправит следом их самих — той же дорогой; не знающий городов народ, тоскующий по своей собственной жизненной форме, по своей собственной религии, по своей собственной будущей истории [19, с. 200].

Эта схема являет себя в романтизированном облике, что выражается и в дуалистическом разведении метафизического (возвышенного, безусловного, духовного) и социального (обусловленного, духовно-низменного, мещанского), и в противопоставлении болезненной городской цивилизации с ее убогой экономической и политической жизнью и здоровой, органической культуры, враждебной псевдоморфным вторжениям, хранимой крестьянской ментальностью, и в резко негативном отношении к цивилизационному прогрессу, к органическому синтезированию в настоящем и будущем, и, наконец, в идеализации прошлых неразвитых состояний.

Псевдоморфозы, живые на Западе, а в России как бы застывшие, никак не взаимодействуют с монолитом российской жизни и культуры («прарускостью»). Нет взаимовлияний, борьбы, развития, не рождаются новые социальные синтезы, так или иначе выводящие Россию на собственные пути, конкретно, генетически обусловленные. История стран и народов видится О. Шпенглеру чередованием периодов стихийного движения (подобно природным стихиям) и застоя, прекращения, как в окаменелостях, органических процессов. Россия есть исторический тупик; проникающие сюда с Запада псевдоморфные

образования тормозят ее собственное вполне себе «правильное» развитие. В России шла и идет перманентная, бессмысленная борьба «недоразвитого», «недовоплощенного», но в глубинах своих своего органического, с одной стороны, и «чуждого», псевдоморфного, механически, агрегатно соединенного с этим своим — с другой. Не более чем намеком на свою органическую форму культурно-исторического развития России, является, полагает О. Шпенглер, творчество Ф. М. Достоевского. Но христианство этого писателя не получило развития и «принадлежит будущему тысячелетию». И это последнее утверждение повисает в воздухе, никак не обосновывается. Магистральная линия развития России остается псевдоморфной, где «иное», «чуждое» и «свое», «родное», по существу, никак не взаимодействуют; ее начало — Петр, конец — большевизм.

Правда, его позиция по поводу псевдоморфного характера развития России в постреволюционный период стало несколько меняться в 20-е гг. По всей видимости потому, что от аналогий, сравнений и схем историсофского характера он обращается под давлением конкретных грандиозных событий к современной ему России и обнаруживает в ней не только повторяемости и возвраты, но и качественно новые процессы. Это хорошо показал в своей недавней статье О. Э. Терехов. Так, в работе 1933 г. («Годы решений») О. Шпенглер несколько отступает от характеристики большевизма как новой формы западной псевдоморфозы. После революции, утверждает он, большевизм отступает от К. Маркса, а потом и В. И. Ленина, а тем самым в значительной мере утрачивает черты западной псевдоморфозы и превращается в «азиатскую» форму «государственного капитализма». В стране сплавляются воедино, срastaются западный марксизм, который О. Шпенглер характеризует как псевдоморфозу «фаустовской культуры», и «русско-азиатское миропонимание» [14, с. 166–167].

Концепт псевдоморфозы широко использовался в отечественной историсофской литературе XX в. сразу же после выхода «Заката Европы», интерес к нему не ослабевает и в наши дни. Логическое осмысление этого концепта, а также и идеологическое его использование оживились в постсоветской России, т. е. в период, когда катастрофически рушились советские формы общественной жизни, а из-за рубежа хлынул поток инородных форм, сносящий и живоносное, и омертвевшее прежней жизни. Сегодня некоторые аналитики опираются на О. Шпенглера и видят в понятии псевдоморфозы исключительно удачную объяснительную модель, нацеленную на понимание взаимодействия между культурами разных стран, народов и регионов, когда одна культура подавляет другую, используя псевдоморфные конструкции. Но появляются исследователи, которые стремятся переосмыслить логико-методологические параметры этого понятия, «поправить» О. Шпенглера. При чем как те, так и другие развивают, с теми или иными оговорками, идею о псевдоморфном характере исторического развития России, т. е. усматривают в проникающих с Запада псевдоморфозах причину, тормозящую органическое, а тем самым в конечном итоге успешное ее движение не только в прошлом, но и в настоящем, а также и в будущем. России рекомендуется сойти с пути заимствования чуждых ей форм, т. е. псевдоморфоз. Но есть и те (и их немного), кто так или иначе переосмысливают представления О. Шпенглера о псевдоморфозах — а некоторые

настолько кардинально, что выходят далеко за рамки этих представлений и тем самым порывают с некоторыми концептуальными линиями как создателя анализируемого понятия, так и его последователей в современной России. Правда, в этом случае встает вопрос о том, не является ли псевдоморфоза «псевдопонятием»? А если не является, то в каком именно смысле ее можно использовать как методологически приемлемое понятие?

Обратимся для начала к позиции тех, для кого концептуальный подход О. Шпенглера к осмыслению псевдоморфозы, в т. ч. и псевдоморфного характера истории России является существенным и неоспоримым. Показательна в этом плане появившаяся совсем недавно пространная работа С. Корнева — примечательная не в силу ее теоретической значимости, а с точки зрения скрупулезного следования положениям О. Шпенглера, приспособленным к идеологической злобе дня. Характерно также и то, что первая часть этого труда имеет название «Ситуация псевдоморфоза. Главная проблема русской культуры», а первое предложение этой части начинается следующими словами:

Наблюдая за сегодняшней Россией, пристально вглядываясь вокруг себя, понимаешь, что нет ничего, что могло бы точнее описать и объяснить весь этот бред и абсурд, чем концепция исторического псевдоморфоза, придуманная семьдесят лет назад немецким философом Освальдом Шпенглером <...> Псевдоморфоз русской культуры начался не вчера, не с реформ последнего десятилетия, — скорее нынешние реформы — лишь очередной шаг на том пути, по которому Россия двигалась последние триста лет, со времени петровских преобразований [5].

Следуя за своим инспиратором, С. Корнев настаивает на том, что западные псевдоморфозы искажают естественное, «природное» развитие русской культуры и «русской ментальности», и что главная задача сегодня — вернуться к исконным традициям «православной церковной культуры», которая, повторяет он снова и снова, только и способна обеспечить «цельность» и «единство стиля» русской культуры, «рождение мифа большого стиля», что западные концепции умирают и деградируют, в то время как Россия — еще «живой организм». И этому все-таки не вполне здоровому организму надо только помочь «избавиться от псевдоморфоза, сбросить оковы западной ментальности» [5].

Тут следует уточнить, что «традиции православной церковной культуры» никогда не уходили из России, даже в советский период, когда они, во-первых, поддерживались подвижниками Церкви и верующим народом, во-вторых, хранились в среде русских изгнанников, в т. ч. богословов, философов и деятелей культуры, и в-третьих, наконец, о чем следует всегда помнить, — русское культурное наследие хотя и интерпретировалось «верными ленинцами» в духе материализма, атеизма и классовой борьбы, несло в своем содержании сублимированные христианские интенции. В целом и основном марксистско-ленинский «научный» атеизм рухнул под влиянием прежде всего внутренней логики исторического развития России, а не под воздействием внешних сил.

С. Корнев выстраивает бесхитростную и широко распространенную идеологему, согласно которой иноземное влияние Запада стало причиной исторических неудач страны. Он предлагает просто вернуться назад, к традициям, сложившимся в «юный» период ее истории, ибо только там — источник

грядущего исцеления. Явно выступает здесь установка на схемосозидание в духе абсолютизации, во-первых, однажды ставшего, как бы вневременного и должного, при равнодушном отношении ко всему становящемуся, конкретно-историческому, реально данному, а во-вторых, повторяющегося, застывшего в своей неизменности, гармонии покоя, при объявлении всех небывших новообразований, всех конкретных исторических состояний псевдоморфными и уже поэтому вредоносными.

Ничуть не сомневаясь в необходимости осмысления роли религиозных традиций как фундамента историко-культурного развития, который в настоящий период сохраняет все свое духовное значение, следует вместе с тем учитывать, подчеркнем еще раз, всю совокупность социально-экономических и духовных сдвигов, инноваций разного рода — и не только «своих», но и «иных», выросших в условиях иной исторической погоды, другими словами, в особых обстоятельствах своего историко-генетического развития и собственного формообразования. Разумеется, при том условии, что это «иное» не остается чужеродной псевдоморфозой, но преобразуется под влиянием факторов собственного социокультурного развития. Затянувшийся «псевдоморфный застой», механическое перенесение «чуждых» форм, как это ярко проявилось, например, в 90-е гг. прошлого столетия, всегда отзывается болезненно именно потому, что заимствования не встраиваются в уже существовавшие формы, не синтезируются с ними, а становятся способом бездумного и опасного подавления — не только отжившего и нежизнеспособного, но и того, что складывалось не один век, а в России — на протяжении целого столетия.

В последние годы понятие «псевдоморфоза» существенно переосмысливается, а именно конкретизируется, обретает новые теоретико-методологические черты. Явно просматривается преодоление подхода О. Шпенглера, в особенности таких его сторон, повторим, как редукция исторического к естественному, романтизированная схематизация общественной жизни и др. В целом же, если посмотреть на определяющую тенденцию осмысления понятия псевдоморфозы, тут явно просматриваются, во-первых, отход от легковесного схематизма и натуралистических уподоблений, а равно и идеологизаторского отношения к истории России, что характерно для О. Шпенглера, а во-вторых, конкретизация, углубление и обогащение методологических параметров исследования «псевдоморфных конструкций». В итоге усиливается динамический момент при обращении к межкультурному взаимодействию, все больше внимания уделяется автохтонным, внутренним, органическим процессам.

В этом плане показательны публикации С. А. Королева, существенно продвинувшегося в осмыслении теоретической значимости анализируемого понятия. Используя концепт О. Шпенглера, он критически относится к его выводам. Любая культура, а Россия особенно сильно, подчеркивает он, испытывает влияния чужеродных форм. Правда, Россия находилась на перекрестке резко отличающихся друг от друга культур, а потому псевдоморфные ситуации проявлялись здесь особенно ярко. В этой связи он выдвигает положение о двух типах псевдоморфоз. Во-первых, это псевдоморфозы в их классическом понимании, где «свое» содержание подавляется «чуждыми» формами, а во-вторых, это псевдоморфозы органические, где «чуждые» формы «прорастают» сквозь

свою органику и существуют в своих автохтонных формах, а привнесенное содержание «занимает» второстепенное место [7, с. 73]. Тем самым понятие органической псевдоморфозы выражает реальную динамику межкультурного взаимодействия, когда свое органическое содержание не обязательно подавляется, но участвует в образовании новых форм. Вопреки О. Шпенглеру, Россия не пребывает вне истории, но развивается в сложном сцеплении причин и следствий, а не как заданное раз и навсегда «судьба». Прав исследователь и тогда, когда настаивает на многоаспектном подходе к объяснению истоков появления псевдоморфных образований, призывая к рассмотрению всей полноты социальной жизни, включая в т. ч. и социально-экономические, политические и другие факторы. Характеризуя псевдоморфные явления, С. А. Королев привлекает ряд нечасто используемых применительно к истории понятий, сложившихся в конкретно-научных областях, в основном из естественно-научной сферы, объект которых — органические, саморазвивающиеся системы (органическая псевдоморфоза, инвертированная псевдоморфоза, гибридная псевдоморфоза, мимикрия, морфоз и др.) [7, с. 72–82].

Предложенный С. А. Королевым подход к осмыслению феномена псевдоморфозы — при всей его значимости — вызывает ряд возражений основательного характера. Они сводятся, если их обобщить, к заметной гиперболизации значимости псевдоморфных образований в историко-генетическом становлении социокультурных организмов. Другими словами, здесь явно просматривается недооценка внутренних, автохтонных факторов, определяющих в частности и аллохтонное, внешнее влияние в любой национальной истории и культуры, в т. ч. и российской. Единственное, о чем здесь можно говорить, так это о том, что внешние факторы были в исторической жизни России более рельефными и ярко выраженными, чем, например, в западноевропейских странах. «Чуждое» может в определенные исторические моменты и в определенных исторических ситуациях подавлять, оттеснять «свое», но, как правило, оно востребовано внутренними национальными силами, как нечто отвечающее конкретным историческим условиям собственного историко-генетического направления развития.

В этом смысле явно рискованно утверждать, что «тип развития» России — псевдоморфный, что в истории России властвуют, господствуют псевдоморфные механизмы, притом не в качестве отдельных «уникальных феноменов», но глобально, «универсально» [6, с. 89]. «Свое», по его словам, существует «параллельно» «другому», внутри оболочки этого «другого». Если взаимная «адаптация» и происходит, то не в процессах органического синтезирования, а посредством «мимикрии формы», «морфоза» или неких «частных, исторически-конкретных содержаний». Неудивительно поэтому, что С. А. Королев не согласен с теми, кто не рассматривает псевдоморфную ситуацию в расширительном значении, как «типологический механизм», но использует этот концепт в узком смысле, как уникальный, частный феномен, т. е. видит и другие формы взаимодействия [6, с. 89–91]. В этой связи он и заявляет следующее: «Мы полагаем, что, если говорить о России, псевдоморфоза — это не этап, не феномен и не форма, а тип развития. Сами основы русской культуры и русской государственности были псевдоморфными» [6, с. 90].

По сути исследователь, желая того или не желая, как бы возвращается тут к мысли О. Шпенглера о том, что исторические процессы, протекающие в России, носят псевдоморфный характер, т. е. автохтонные органические матрицы развития, процессы саморазвития здесь всегда подавляются, в то время как определяющую роль играют неорганические трансформации, нацеленные на модернизационные сдвиги. Об этом следующее его суждение:

Принято различать модернизацию органическую и модернизацию неорганическую. Первая представляет собой процесс, развивающийся в силу внутренних причин, на основе внутренних источников, посредством трансформации автохтонных в своей основе матриц развития. Это своего рода саморазвитие.

Неорганическая модернизация, напротив, предполагает перенесение и внедрение технологий, институтов и социокультурных матриц, зародившихся, сформировавшихся и утвердившихся вне национальной / автохтонной почвы. Именно этот тип модернизации соотносится с понятием псевдоморфозы, а взаимствованные матрицы модернизационного развития нередко представляют собой составляющую псевдоморфного процесса.

В российской истории, как уже было отмечено, очевидным образом преобладала неорганическая, псевдоморфная модернизация [6, с. 112].

С чем здесь можно согласиться? С тем прежде всего, что влияние аллохтонных и инациональных форм (с Востока, а главным образом — с Запада) в российском исторической действительности было весьма существенным, а нередко и определяющим вектором развития, где действительно красноречиво выступали на поверхности общественной жизни проявления неорганического псевдоморфного характера. При всем этом С. А. Королев недостаточно учитывает тот факт, что автохтонные, органические процессы формообразования, с одной стороны, и процессы аллохтонные, неорганические, участвующие в этом формообразовании, с другой стороны, не существуют как два параллельных потока форм, в отрыве и независимости друг от друга, что они находятся во взаимодействии и взаимообусловленности, что, наконец, в ходе движения «своих» и «чуждых» форм могут возникать и реально возникают новые органические системы. Даже и сам автор, уверенный в том, что судьба России — движение от одних «неорганических» псевдоморфоз к другим, тоже неорганическим, может обмолвиться следующим образом: «И в пространстве псевдоморфозы возможны некие органические процессы» [6, с. 112]. Или мимоходом может заметить, что «в результате работы псевдоморфной машины аллохтонная, привнесенная извне оболочка сливается с автохтонным культурным слоем. Оболочка растворяется в нем. В то же время, автохтонная как бы впитывается в аллохтонную оболочку» [6, с. 90].

В целом же С. А. Королев все-таки несколько смазывает роль внутренних автохтонных факторов, определяющих развертывание псевдоморфной ситуации, а именно то, что «чуждое», аллохтонное проникает в «свое», автохтонное далеко не только как сила подавляющая и агрессивная, но и по причине внутренней востребованности, исканий, социальных и культурных сил самой разной направленности, и в т. ч. противоположной. В истории России идет не перманентно воспроизводящийся переход от одних псевдоморфоз к другим,

но сложный и противоречивый процесс формирования все новых и новых исторических состояний во всей их конкретике, которые составляют исторический генезис — конкретный и специфический. В ходе этого генезиса формы внутренние и внешние либо синтезируются, и тем самым преодолевается распад, уродливые псевдоморфные, «камнеподобные», неорганические и нежизнеспособные образования, либо инородные формы, не соответствующие новым внутренним импульсам развития, умирают, отбрасываются не участвуя в формировании новых синтезов, а потому их судьба — оставаться в культурной памяти народов и стран, в качестве не получивших развитие тупиковых линий.

Таким образом, вырисовывается два типа псевдоморфоз. Одни псевдоморфозы появляются на инородной почве и даже могут быть востребованы определенными социальными кругами, но они не имеют будущего, представляют собою тупиковые линии развития социума (народа, государства, социальной группы, политической партии, культурного движения и т. д.). Они быстро появляются и также быстро исчезают. Они являются «неорганическими» в том смысле, в каком их бытие в конкретной органике исторической жизни оказывается невозможным, другими словами, они не вливаются в новое системное, синтетическое, целое. Они появляются во множестве именно тогда, когда рушится старый порядок, т. е. в ситуациях исторической прерывности, социокультурных переворотов, системных кризисов. Эти псевдоморфозы остаются чуждыми исканиям передового социокультурного авангарда, а предложенная проводниками этих псевдоморфоз программа модернизации остается «неорганической», а в конце концов — и нереализуемой. Если вернуться к О. Шпенглеру, автору понятия «историческая псевдоморфоза», то он как раз и видел только этот тип «неудачных» псевдоморфоз — таких псевдоформ, которые не становятся, не развиваются, а как бы снова и снова воспроизводятся в своем, в основе своей неизменном состоянии, в чуждой им среде.

Другие псевдоморфозы, даже если поначалу они и представляются многим или даже большинству чуждыми и вредоносными, в конечном итоге охватывают все более широкие круги. Борьба противоборствующих социокультурных групп завершается победой тех из них, которые оказываются в состоянии обеспечить синтез программ авангарда с его псевдоморфным идейным материалом и широкой социальной и духовной поддержкой «органической» почвы, в общем, народных масс. В ходе такого синтезирования идет сложная, противоречивая и совсем не быстрая подгонка социально-экономических, политических, духовно-нравственных и др. форм, сложившихся на основе унаследованного от своего прошлого материала и инородных заимствований, к глубинным интересам и представлениям народных масс — неразвитых, отсталых, «недооформленных», но вполне достаточных для оценивания реалий общественной жизни и социального действия.

Так, победа большевиков в ходе тяжелейшего революционного кризиса явилась результатом успешного, на определенное время, процесса синтезирования — создания нового порядка, если и недостаточно прочного, далеко не совершенного, то отвечающего критической ситуации переходного периода. В советскую эпоху, переломную по своему характеру, изменялись, с одной стороны, большевистские идеологемы в направлении постепенного ослабления

псевдоморфных черт, а с другой — в процессе исторического движения страны и советские люди постепенно, но неуклонно освобождались от крестьянских ментальных установок, утопий разного рода — монархических, общинных, коммунистических и др. Марксистские псевдоморфозы западного окраса превращались в «национализированный» марксизм-ленинизм со всеми его исторически объяснимыми характеристиками (социализмом полувоенного типа, централизованной экономикой, диктатурой партии, вождизмом, идеологическим тоталитаризмом, коммунистической парарелигиозностью). Вчерашние крестьяне и пролетарии превращались в советских людей, далеко не утративших своей ментальной подпочвы и одновременно расширивших свой социокультурный горизонт за счет приобщения к достижениям науки, техники, отечественному и мировому культурному наследию.

Новый псевдоморфный всплеск резко обозначился в российской истории в конце 80-х гг. XX в. Ельцинские реформаторы с безоглядным энтузиазмом своих предшественников — большевиков, принялись переносить досоветские, а также западные формы экономической и политической жизни на российскую почву. Не одно десятилетие в России продолжалось аналитическое раздробление социальной и культурной ткани, беспорядочный и хаотический распад, который если и приостановился, то, увы, еще не завершился.

Источником псевдоморфоз постсоветского периода стал не только опыт западных стран, но и опыт советской и даже досоветской эпохи. России было предложено встроиться в глобальную монополистическую систему, а демократическую организацию власти ограничить сверху (олигархатом, всевластием номенклатуры, ручным управлением и т. д.) едва ли ни по советскому образцу. В образовании и науке утвердилась пресловутая болонская система, продолжается утечка квалифицированных кадров за рубеж на службу западным монополиям, не остановлено вполне ослабление национальной духовно-нравственной компоненты в образовании и культуре. В культурной практике усилилась система идеологического контроля, при том что финансирование институтов и учреждений культурного профиля остается крайне недостаточным.

Псевдоморфозы, в т. ч. и в их обновленных вариантах, все еще представляют собой тормоз общественного развития. Попытки синтезирования, позитивного опыта советской цивилизации и других стран мира остаются робкими и непоследовательными. Рыночные отношения с бессмысленной жесткостью регулируются сверху и при этом далеко не всегда в интересах широких народных масс, явно ощущается недоверие части властвующей элиты к демократическим институтам, не ослабевают попытки регламентации в духе советского демократического централизма, где властные функции выполняет номенклатура, которая крепко удерживает свои нередко узкокорыстные позиции. Причем чиновничество не просто растет количественно, но видит свое предназначение в жестком руководстве «несознательными» массами, а в не добросовестном служении этим массам. Исторически позитивные завоевания советской эпохи с трудом проникают в новые перспективные синтезы. Глухо звучит тема социальной справедливости. Разрыв между интересами трудящегося народа и частью властвующей бюрократии становится опасным для

стабильного развития страны. Достучаться до властных кругов порой труднее, чем при советской власти.

В итоге складывается парадоксальная ситуация. Ретроградные «элиты» тянут в настоящее худшие черты из советского прошлого и западного настоящего, которые выступают в нежизнеспособных псевдоморфных оболочках. Именно поэтому их история будет, вне всякого сомнения, недолгой.

Можно заключить, не впадая в преувеличение, что обновленное конкретизированное и освобожденное от идеологической романтизации понятие псевдоморфозы является перспективным. Прежде всего с точки зрения понимания логики исторического формообразования — а именно тогда, когда анализируется процесс социокультурных трансформаций вследствие встречи специфически развивающихся социальных и культурных форм. В этой связи можно выделить несколько актуальных и перспективных моментов теоретического плана.

Во-первых, в процессах социокультурного взаимодействия следует избегать как неприязненного отношения к инородным, «чуждым» формам, так и бездумного некритического их использования в качестве определяющего и едва ли не единственного фактора своего развития. В этом плане объективное, доказательное и проверяемое практикой исторических процессов понимание псевдоморфных образований возможно только на основании конкретно-исторического подхода, свободного от идеологического субъективизма, а потому учитывающего многофакторность образования любой исторической формы, неповторимость и специфичность ее исторического генезиса, вариативность формообразования и др.

Во-вторых, псевдоморфоза — это тоже форма. Но форма как бы оторвавшаяся от породившей ее исторической почвы, от своего социокультурного контекста и втянутая в инородную общественную и культурно-историческую среду. И совсем не обязательно псевдоморфозы проникают в чуждую им среду насильственным образом (например в ходе военной агрессии). Чаще всего инородные формы, т. е. псевдоморфозы, являются объектом притяжения со стороны самых разных, в т. ч. и противоборствующих социальных сил, которые вызревают в условиях своей внутренне органической среды. Процесс псевдоморфных взаимствований протекает постоянно, затихая на время, а затем снова активизируясь. Псевдоморфное влияние усиливается в переходный период и особенно в период социальных кризисов и революций.

В-третьих, псевдоморфный натиск нарастает в период аналитического распада (как онтологически данного процесса), а соответственно и аналитического (гносеологического) опробования резко возросшего числа как новых внутренних форм, так и попадающих извне псевдоморфоз. Не всем «притянутым» на новую почву формам суждена долгая жизнь. Одни из этих псевдоморфоз не приживаются на чуждой им социокультурной основе. Другие приспособляются к новой для них среде, как бы «национализируются». Именно эти последние становятся элементами новых синтетических образований. В периоды синтезирования усиливаются органические, т. е. устойчивые и жизнеспособные, тенденции. Вчерашние псевдоморфозы изменяются, порой, до неузнаваемости. При этом широко используются такие механизмы социокультурного взаимодействия, как инверсия, мимикрия и др.

В-четвертых, наконец, актуальность исследований в области формообразования, а соответственно и роли псевдоморфных состояний в процессе рождения новых исторических форм, будет только нарастать. Теоретически это объясняется тем, что концепт псевдоморфозы существенно переосмысливается со времени его использования О. Шпенглером, а именно обретает все более полную понятийную конкретизацию и прежде всего становится существенно необходимым для осмысления, во-первых, динамики превращения чужеродных форм в автохтонные, «национализированные» в частности под влиянием конкретно-исторических обстоятельств, социального опыта и конкретики направленного генезиса. Социально-практически, в т. ч. идеологически, проблема псевдоморфных образований остается острой и в сегодняшней жизни России. Ибо и в наши дни продолжают попытки грубо волюнтаристского, хотя и вполне идеологически объяснимого перенесения инородных социокультурных форм — и из западного мира, а нередко из советского и даже досоветского прошлого.

Аналитический, разъединяющий распад социокультурной ткани в стране, повторим, еще не преодолен. Но постепенно и неуклонно псевдоморфные влияния ослабевают, в то время как перспективная направленность общественного развития (экономики, политики, культуры и др.) на системное и упорядоченное формообразование, а соответственно на жизнетворческий синтез, усиливается. И именно за этой тенденцией формообразования — будущее России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балагуров О. А., Океанский В. П. Неопатристический синтез как ответ на вызовы управляемого псевдоморфоза // *Современные проблемы науки и образования*. — 2012. — № 5.
2. Данилевский Р. Ю., Тиме Г. А. «Русская идея» Карла Нетцля // *К истории идей на Западе: «Русская идея»: сб. статей*. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010.
3. Дугин А. Г. Археомодерн. — М.: Евразийское движение, 2010.
4. Земсков В. Б. Латинская Америка и Россия (Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях) // *Общественные науки и современность*. — 2000. — № 5.
5. Корнев С. Трансгрессивная революция. Посвящение в постмодерн-фундаментализм. — URL: http://kitezh.onego.ru/trans_re.htm.
6. Королев С. А. Псевдоморфоза в истории России // *История модернизации как предмет социально-философского анализа*. — М.: ИФРАН, 2014. — С. 88–117.
7. Королев С. А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // *Философия и культура*. — 2009. — № 6. — С. 72–85.
8. Махлак К. А. Экклезиология русского Зарубежья в контексте культуры XIX — XX вв.: автореф. дис. ... канд. культурологи. — СПб., 2014.
9. Мезенцев И. В. Влияние римо-католицизма на становление русской духовно-академической философии в дореволюционный период в оценке православных мыслителей // *Гуманитарные Исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. — 2015. — № 1.
10. Оболевич Т. «Вперед к отцам» вместе с эллинами? Размышления на полях книги «Георгий Васильевич Флоровский» // *Вопросы философии*. — 2016. — № 6.

11. Степун Ф. А., Шмитц О. А. Х Два взгляда на «русскую идею» // К истории идей на Западе: «Русская идея»: сб. статей. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010.
12. Сузи В. К метафизическим истокам русского бунта: псевдоморфозы христианства в романе М. Горького «Мать» // Парус. — 2017. — № 55.
13. Сундуева Д. Б. Псевдоморфный тип культурной идентичности ассимилирующихся малых этнических групп // Дискуссия. — 2015. — № 1.
14. Терехов О. Э. Большевизм в культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера // Вестник Томского государственного ун-та. — 2017. — № 417. — С. 163–168.
15. Тиме Г. А. «Русская идея» как проблема адаптации. Эмигранты из России в Европе 1920–1930-х годов // К истории идей на Западе: «Русская идея»: сб. статей. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010.
16. Флоровский Г. В. Западные влияния в русском богословии. — URL: <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=316>.
17. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. — Вильнюс, 1991.
18. Черняев А. В. Актуализация национального философского наследия: современный российский опыт (на примере новой книги из серии «философия России первой половины XX в.») // Философское знание и вызовы цивилизационного развития: материалы Междунар. науч. конф. к 85-летию Института философии НАН Беларуси, г. Минск, 21–22 апреля 2016 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2016. — 521 с.
19. Шпенглер О. Исторические псевдоморфозы // Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. — М.: Мысль, 1998. — Т. 2. — С. 192–238.